

Приложение к № 226 газеты «Великолукская правда»

«Шаги по земле»

Далёкое и близкое прошлое народа отражает история человечества, она открывает целостное представление о развитии общества, государств, отдельных наций и народностей. Однако история как общественно-политическая наука не вдаётся в жизнь отдельного человека или какой-либо группы людей. Этим занимается литература.

Из произведений писателей мы узнаём реальную жизнь, характеры и поведение людей, их мысли, переживания, личные взаимоотношения. Писатель, как правило, пишет о своём времени.

В книге В.А. Алёшина «Шаги по земле» (12+), вышедшей в 2002 году, автор в силу своих знаний и возможностей описывает отдельные периоды, отрезки и даже кусочки жизни людей своего поколения, а это обыкновенные, простые жители деревни ушедшего бурного XX столетия.

Герои повестей и рассказов не вымышленные, а реальные персонажи, окружающие нас, и поэтому вполне возможно, что кто-то из читателей в одном из них обнаружит сходство с собой или близким ему человеком. В книге немало и автобиографичного.

МОЙ ПЕРВЫЙ УЧИТЕЛЬ

После неожиданной смерти отца, ему едва исполнилось тридцать семь лет, наша большая осиротевшая семья оказалась в маленьком рабочем поселке стекольного завода. Была зима 1936 года, снежная и холодная.

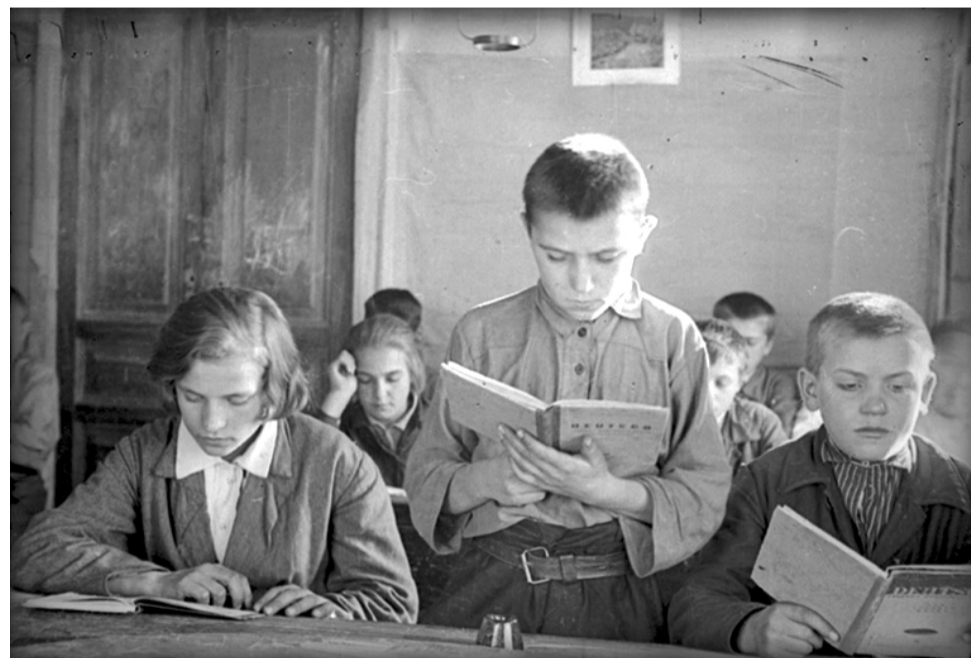
Завод, построенный в начале века, располагался на берегу неширокой, но глубокой речки Чагода на Вологодчине. По ней на завод баржами доставляли песок для плавки стекла. Они же отвозили и готовую продукцию: декоративные графины, вазы, фужеры, тонкие стаканы с узорами и различные сувениры, изготавливаемые по спецзаказу. Строили завод немцы на свой лад, крепко и надежно.

По всему было видно, что здесь работали добросовестные люди. Многие из немцев, которые строили завод, так и остались здесь жить и работать. Еще и при нас мастерами-стеклодувами были немцы, потомки строителей. Их семьи жили в добротных двухквартирных домах, обнесенных окрашенными в голубой цвет невысокими палисадниками. Тут же были их ухоженные огороды и цветники. Немцы были отменными цветоводами и огородниками. Дома, где жили немецкие семьи, выгодно отличались от других своей опрятностью, обустроенностью, нарядностью. Я дружил с их детьми и, бывая у них, поражался той чистоте и порядку, в которых они содержали свои дома. На окнах всегда висели свежестыранные, тщательно отглаженные занавески с кружевами, на полах разостланы цветастые половички, стены, оклеенные обоями теплых тонов, увешаны семейными фотографиями в аккуратных рамочниках со стеклом. Кухня сверкала белизной тарелок, уложенных ровными рядами на полочках, и блеском начищенных кастрюль. Немцы пользовались большим уважением в поселке, с ними считались, к ним прислушивались, перенимали их быт. Во многом благодаря им поселок был хорошо благоустроен. На большой спортивной площадке всегда было многолюдно. Здесь играли в футбол, волейбол, в городки. Были тут и качели, и турники, и беговая дорожка.

В клубе регулярно показывали кино, спектакли местной самодеятельности, играл духовой оркестр. По вечерам в субботу и воскресенье духовой оркестр выходил на открытую эстраду, и до поздней ночи поселок погружался в мир мелодичной музыки. Немцы являлись не только постоянными участниками спортивных и культурных мероприятий, они были и их организаторами. Это были наши, русские немцы. Жизненный ритм в поселке определял заводской гудок. Он звал на работу, на обед, объявлял и конец рабочего дня. По праздникам гудок торжественно звал людей к красной трибуне, стоявшей возле клуба. Все: и взрослые, и дети – дружно приходили сюда, слушали приветственные речи руководителей завода, а потом начиналось веселое массовое гулянье. Жизнь в поселке протекала спокойно и ин-

тересно. Здесь люди умели хорошо работать и красиво отдыхать.

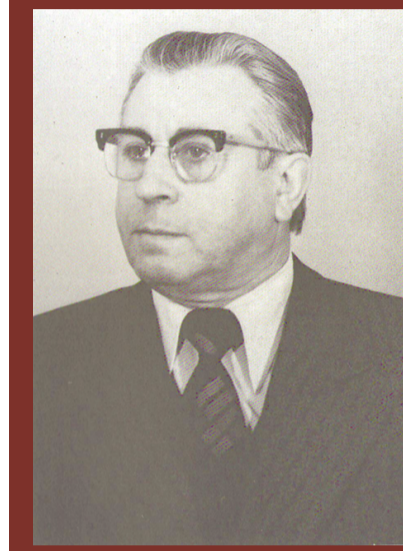
Осенью того же года я пошел в первый класс местной начальной школы. Красивое деревянное здание школы, тоже дореволюционной постройки, находилось на живописной окраине поселка. Высокий парадный вход и большие сверкающие окна придавали зданию почти сказочную величавость. Его внутреннее устройство было очень удачным: просторная раздевалка, огромный круглый зал и вместительные светлые классы. Особую примечательность имел круглый зал. Он размещался в центре здания, и лишь одной своей частью его окна были обращены на улицу. Вход во все четыре класса был прямо из этого зала, и во время перемен все ученики оказывались в нем. В зале проводились школьная линейка, все общественные мероприятия, спортивные

игры. Иногда в нем публично отчитывали особо провинившихся учеников. Школы такой конструкции я больше нигде не встречал.

Утром первого сентября уложил в сумку книги и тетради, оделся в сшитые матерью к этому дню синие сатиновые рубашку и трусы, натянул на ноги чулки в рубчик, обулся в ботинки с галошами и отправился в школу. Погода стояла теплая и солнечная, везде было сухо, и мне поэтому было не совсем приятно то, что шел в такую ясную погоду в ботинках с галошами. Однако дело было в том, что в одних ботинках без галош я идти не мог. И ботинки, и галоши были совсем новыми, только неделю тому назад за ними я простоял целую ночь.

Случилось так, что на мою ногу в магазине привезли только галоши, а ботинок моего размера не оказалось. Пришлось покупать ботинки большего размера, а галоши, годные для меня. Что делать? В

Виленин Александрович Алёшин (1929–2017) родился на Вологодчине в крестьянской семье. Рано лишился отца. Детство и юность провёл, как и все сверстники: детсад, школа, институт. Агроном по специальности, долго работал на селе в качестве агронома МТС, директора совхоза, директора областной сельскохозяйственной опытной станции. Кандидат наук, доцент. Двадцать пять лет занимался научной и педагогической деятельностью в Великолукском сельхозинституте. Имел правительственные награды, ветеран труда, неоднократный участник Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

одних галошах никуда не пойдешь, а ботинки велики, тоже ходить нельзя. Не долго думая, мы обрубили носки у ботинок и засунули их в галоши. Вот и получилось так, что, несмотря на ясную солнечную погоду, я пошел в школу в ботинках с галошами.

Шел один, никто меня не сопровождал, да мне и не нужен был провожатый. Мы, безотцовщина, рано привыкли к самостоятельности. Сильно волнуясь, я робко вошел в класс. Учитель был уже там. Он подошел ко мне, легонько взял за плечо, подвел к парте и усадил. Все здесь было для меня ново и непривычно. Волнение не оставляло меня. Я невольно стал оглядываться. Кроме меня за партами сидели мои знакомые сверстники, и когда я их увидел, то перестал волноваться и совсем успокоился. С этого момента смотрел только на учителя, спокойно сидевшего за

белую расшитую косоворотку, подпоясанную тонким длинным ремешком, одним концом свисающим на правое бедро, и светло-серые брюки, заправленные в легкие замшевые сапоги. Зимой косоворотку менял на светлый полувоенный френч, модный в то время. В нем не было менторской напыщенности, он был общительным, доступным, всем своим видом и манерами внушающий уважение и симпатию. При нем мы не чувствовали скованности, робости, ущемленности. Его светло-голубые, чуть прищуренные глаза излучали доброту и приветливость, на слегка удлинённом с мягким подбородком лице светилась приятная, даже обаятельная, улыбка, скрываемая небольшими белесоватыми усами. Его облик располагал и притягивал к себе, вызывал доверие и привязанность. Он был свой, близкий и какой-то домашний. Я сразу же полюбил его. Во мне как-то само собой пробудилось сыновнее влечение к нему. Видимо, моей детской душе, таившей в себе боль и тоску по рано ушедшему от нас отцу, это тогда требовалось, не могло не проявиться, было вполне естественно и необходимо, и я был рад этому чувству. Мне казалось, что и Иван Степанович испытывал ко мне особую привязанность. Я с первого же прикосновения его руки к моему плечу невольно ощутил его расположение к себе. Мои впечатления не были ошибочными, и в этом я впоследствии убедился. Иван Степанович с женой жили в небольшой заводской квартирке. Детей у них не было. Мы часто видели, как они вдвоем прогуливались по крутому берегу речки, мирно о чем-то беседа друг с другом. Жена Ивана Степановича нигде не работала. Они только что приехали в поселок, и этот учебный год у Ивана Степановича был первым.

Учиться я начал очень прилежно, в школу ходил с большой охотой и всегда в приподнятом настроении, а по дороге даже пел свои любимые песни: «Три танкиста», «Тачанка», «Какховку», «Катюшу». В класс приходил задолго до звонка, вынимая из сумки нужные для первого урока книжку или тетрадь, и с нетерпением ждал, когда придет мой любимый учитель. Звенел звонок, открывалась дверь, и в ней появлялся Иван Степанович в своей косоворотке или сером френче с журналом в руке. Мы дружно вставали, а он, пряча улыбку в усах, подходил к столу, говорил: «Здравствуйте, дети» – и садился на свое место. В классе воцарялась глубокая тишина, муха пролетит – услышишь. Иван Степанович открывал журнал, оглядывал нас, чтобы узнать, кого нет в классе, и делал в нем свои пометки. У него было такое правило: отмечая в журнале отсутствие ученика в классе, он спрашивал: «Кто знает, почему Вани Нечаева нет в классе?» Если никто не мог сказать, тогда он после занятий обязательно шел к этому ученику на дом и лично узнавал причину пропуска им уроков. Для него отсутствие ученика в школе считалось чрезвычайным происшествием.

(Окончание на стр. 6)

«Шаги по земле»

(Окончание. Начало на стр. 5)

Иван Степанович очень доходчиво и терпеливо учил нас писать, читать, считать, говорить, вести себя. Он приобщал нас и к миру музыки. Иногда Иван Степанович приносил с собой скрипку и играл нам одну мелодию за другой. Мы, затаив дыхание, слушали задушевные звуки скрипки. Я на всю жизнь запомнил его уроки. В памяти, как наяву, всплывают уроки по чистописанию. Был в то время такой предмет. Для чистописания нам давали тетради в косую линейку и обязательно с портретами А. С. Пушкина или И. А. Крылова на обложке, а то и с видами на Михайловское. Эти картинки пробуждали интерес к предмету, возбуждали любопытство.

Вначале учились писать разные крючочки, обозначающие отдельные части букв, затем уже писали и сами буквы, заглавные и прописные. Я, склонившись над своей тетрадью, старательно выводил букву за буквой. Помню, как Иван Степанович, прохаживаясь по классу, неизменно останавливался возле меня, наклонялся над моей тетрадью, ласково клал руку мне на плечо, внимательно разглядывал мои крючочки и тепло-тепло говорил: «Молодец, Виля, очень хорошо». В эти минуты я замирал от счастья, затаив дыхание, слушал его и не мог осилить посмотреть на моего учителя. Застенчивость сковывала меня. Для проверки написанного Иван Степанович брал наши тетради к себе домой. В то время было принято ставить оценки не в баллах, как сейчас, а словами: «очень хорошо», «хорошо», «посредственно», «плохо», «очень плохо». В моих тетрадях всегда стояла только одна оценка «очень хорошо». Как-то на уроке Иван Степанович, объявляя результаты проверки наших тетрадей, назвал мою фамилию и сказал: «Если бы была оценка выше, чем «очень хорошо», я бы и ее поставил». Услышав эти слова, я смутился, покраснел, как рак, низко наклонил голову и не смел ни на кого поднять глаза. Похвала меня всегда очень смущала. Теперь правильно и красиво писать не учат. Другие времена, другие нравы. Я очень быстро научился читать, и уже в первом классе читал по-настоящему, бегло. На одном из уроков Иван Степанович спросил меня: «Что ты читаешь дома?»

– Книгу для чтения, – ответил я.

– А в библиотеке берешь книги? – опять спросил он.

– Нет.

– Сегодня же пойдешь и запишешься, – посоветовал Иван Степанович.

Заводская библиотека работала по вечерам. В тот же вечер после нашего разговора я пошел туда, даже снежная погода не остановила меня. Библиотекарша, увидев меня в снегу, спросила:

– Тебе чего, мальчик?

– Книгу, – тихо ответил я.

Она удивленно посмотрела на меня, видимо, такие малыши, как я, сюда не приходили. «А какую тебе дать книгу?». Я не знал, что мне сказать. Тогда библиотекарша, подумав немного, вынула откуда-то тоненькую книжечку в зеленом переплете и передала ее мне. Я бережно взял эту книгу и тут же на обложке прочитал: «Филипок». Это была первая прочитанная мною книга из библиотеки. Я еще больше пристрастился к чтению и с этого дня стал постоянным посетителем библиотеки. Иван Степанович иногда меня спрашивал: «Что ты сейчас читаешь?». Я отвечал.

– А сказки Пушкина читал?

– Читал.

– А «Школу» Гайдара читал?

– Читал.

– А «Как закалялась сталь» Островского читал?

– Читал.

– А «Три мушкетера» Дюма читал?

– Нет.

– Прочитай, – советовал мне Иван Степанович.

Так он руководил моим чтением. В моем понимании Иван Степанович олицетворял собой школу. Я так и думал: Иван Степанович – это и есть школа, а школа – не что иное, как Иван Степанович. Другого представления тогда о школе у меня не было. Я до сих пор считаю, что Иван Степанович, мой первый учитель, пробудил во мне стремление к учебе, и если бы у меня оказался другой учитель, то, может быть, такого сильного

желания учиться у меня и не проявилось. За это я ему очень благодарен. Иван Степанович всегда, пока я у него учился, относился ко мне с большой теплотой, участливо, душевно.

Вспоминается такой случай.

Я учился во втором классе. Было пятое декабря, отмечался День Сталинской Конституции, и мы не учились. Стоял солнечный морозный день. Дома никому не сиделось, все мои друзья бросились на речку кататься на коньках. У меня не было коньков, но я, не раздумывая, взял деревянные санки, привязал их к себе веревкой и, изображая резвую лошадку, устремился за ними. Однако когда я прибежал к речке, там уже никого не было. Я решил их найти и стал переходить на другую сторону реки. Возле берегов вода замерзла, и лед был крепким, а на середине, где течение быстрее, чем у берегов, вода еще не замерзла, но была покрыта толстым слоем рыхлого снега. Я, думая, что и там лед, ступил на снег и провалился, едва успев ухватиться за кромку льда. Оказавшись по пояс в воде, попытался выбраться на лед, но у меня ничего не получилось. Кругом не было ни души, и я продолжал висеть в воде. Мои ноги, обутые в валенки, стали тягелеть и мерзнуть, их тянуло течением под лед, руки немели. Держаться становилось все труднее и труднее, сам я выбраться не мог, да и не пытался больше этого делать, а помочь было никому.

Сколько времени я уже находился в таком положении, не помню, может быть, пять, а может, и десять минут. Удивительно, но я не испытывал страха и продолжал висеть в воде, держась за лед. Мои санки находились тут же возле меня на льду. Санки были большие и тяжелые, и они, очевидно, помогли мне удерживаться за лед. На что я тогда надеялся – не знаю, о чем думал – тоже не знаю.

Но, как помню, обреченным себя почему-то не ощущал, наверное, не понимал всей опасности своего положения и только беспомощно глядел из стороны в сторону. Время шло. Вдруг вдали я увидел человека, медленно приближающегося в мою сторону, он тоже меня увидел, понял, в чем дело, ускорил шаг, он был на коньках и подъехал ко мне. К моему изумлению, это был Иван Степанович. Он, не говоря ни слова, вытащил меня из воды, отряхнул от снега, взял мои санки и быстро повел домой. Пока шли, одежда на мне вся оледенела. Иван Степанович подвел меня к дому и отпустил.

Мать, увидев меня всего обледеневшего, быстро стала снимать мою одежду, отхлестала как следует мокрыми штанами, растерла всего водкой и запахнула на горячую печку, накрыв с головой шубой. Я весь дрожал, зубы стучали друг о друга, от холода не мог ничего говорить, но довольно скоро согрелся и, разомлевший от тепла печки, шубы и водки, уснул. Проспал весь оставшийся день и всю ночь, а утром, не выучив уроков и удрученный этим обстоятельством, пошел в школу.

На первом же уроке Иван Степанович подошел ко мне, легонько взял за ухо, повернул мою голову в свою сторону и по-отечески ласково сказал: «Ну как, рыбак, дела?» Я густо покраснел и

не мог выговорить ни слова. В этот день он меня не спрашивал, понимал, что я не мог выучить домашнего задания и не хотел ставить меня в неловкое положение перед учениками. Потом он часто напоминал мне о случившемся, неизменно повторяя: «Ну как, рыбак, дела?» Я же в ответ только ему смущенно улыбался.

Два года я проучился у Ивана Степановича, но в памяти он у меня сохранился на всю жизнь. После окончания второго учебного года они вместе с женой неожиданно уехали из поселка.

Спустя почти сорок лет мне удалось вновь побывать здесь. Былого порядком ни на заводе, ни в поселке я не обнаружил. Все здесь выглядело сиротливо. На территории завода, на том месте, где раньше находилась проходная, увидел на заросшей бурьяном площадке памятную плиту с перечнем фамилий погибших во время войны заводчан. Среди них были и знакомые мне имена. Не оказалось в поселке и потомков больших немецких семей. Все они куда-то исчезли. Зашел в свою бывшую школу. Она осталась малоизменившейся, лишь немного почернели стены, потускнели окна и не блестела свежестью краски железная крыша. Даже вывеска с названием школы осталась той же самой. С этой вывеской, когда я учился в третьем классе, произошел у меня неприятный случай. Как-то зимой в один из снежных дней во время перемены мы выбежали на улицу и стали играть в снежки. Кто-то из ребят предложил бросать снежные комки через крышу школы. Началось соревнование. Я бросал

снежки вместе с другими. Вдруг один мой снежок вместо того, чтобы лететь через крышу, попал прямо в вывеску. Кусок стеклянной вывески отломился и упал на землю. Я сильно перепугался, так как хулиганистым мальчиком не был, а тут совершил такой неблагоприятный поступок. Хотя это я сделал и без умысла, но неблагоприятный факт оставался фактом. Заведующий школой, пришедший к нам вместо Ивана Степановича, тут же при всех отругал меня и попросил прийти к нему вместе с моей матерью. Это было для меня страшным наказанием. Я знал, что мать, узнав о случившемся, сильно расстроится, а мне не хотелось доставлять ей неприятность, но ничего другого, как выполнить просьбу заведующего школой, не оставалось. Когда мы с ней пришли, он отдал разбитую вывеску матери и потребовал отремонтировать ее. Она, устыдившаяся моим поступком и не пытаясь меня оправдывать, взяла куски разбитой вывески и отнесла в столярную мастерскую. Там для вывески сделали красивую рамку со стеклом, и, когда ее поместили на старое место, вывеска выглядела лучше, чем прежде. Эту-то вывеску и привелось увидеть вновь через сорок лет. В поселке я пробыл всего несколько дней, встретил очень малооставшихся здесь знакомых одноклассников, еле вспомнивших меня, сходил на кладбище к могиле отца и уехал. Грусть, нахлынувшая на меня от воспоминаний о прошлом и от того, что я увидел здесь, долго не отпускала меня.

Попытка узнать что-либо о судьбе моего первого учителя не увенчалась успехом.

В.А. АЛЁШИН,
из книги «Шаги по земле»

Первый учитель

Памяти А.А. Коваленкова

Я помню сожженные села
И после победного дня
Пустую
Холодную школу,
Где четверо кроме меня,
Где нам однурукий учитель
Рассказывал про Сталинград...
Я помню
Поношенный китель
И пятна – следы от наград.

Он жил одиноко при школе
И в класс приходил налегке.
И медленно
Левой рукою
Слова
Выводил
На доске.

Мелок под рукою крошился.
Учитель не мог нам сказать,
Что заново с нами
Учился
Умению ровно писать.
Ему мы во всем подражали –
Таков был ребячий закон.
И пусть мы неровно писали,
Зато мы писали, как он.

Зато из рассказов недлинных
Под шорох осенней листвы
Мы знали
Про взятие Берлина
И про оборону Москвы.

Дымок от землянок лучился
Жесточкой печалью земли.
– Любите, ребята, Отчизну,
Ее мы в бою сберегли...

И слово заветное это
Я множество раз выводил.
И столько душевного света
В звучанье его находил!

А после
Поношенный китель
Я помню как злую судьбу –
Лежал в нем
Мой первый учитель
В некрашеном светлом гробу.

Ушел, говорили, до срока,
Все беды теперь позади.
Рука его
Так одиноко
Лежала на впалой груди!

Могилу
Землей закидали.
И женщины
Тихо рыдали.
И кто-то негромко сказал:
– Медалей-то, бабы, медалей!
Ить он никогда не казал...

Мой первый учитель!
Не вправе
Забывать о тебе никогда.
Пусть жил ты и умер не в
славе –
Ты с нами идешь сквозь года.

Тебе я обязан
Всем чистым,
Всем светлым,
Что есть на земле,
И думой о судьбах Отчизны,
Что нес ты на светлом челе!

В. Фирсов

Творчество великолучан

Алёна Жеглова

ДВЕ ОСЕНИ...

Две осени явились к двум порогам
Далёких друг от друга городов...
Одна в порыве страстном и высоком
Растрчивала золото садов.

Другая же – промозглым тусклым светом
Окутывала город изнутри,
Чтоб никому ни словом, ни приветом
Никто никак тот город не дарил!..

В безмолвии осеннем листопада
Дрожит в ветвях запутавшийся лист –
Ему в опавший ворох листьев надо,
А он сквозь солнце – тонок и лучист...!

Готов в одно касание сорваться
И, падая с незримой высоты,
В озябшие и дрогнувшие пальцы
Твои вдохнуть немного теплоты!..

ПЕРВОМУ СТИХОТВОРЕНИЮ

*Вряд ли безопытность молодости –
недостаток, скорее – преимущество:
легко рождаются и дети, и стихи.
Эсмירה Травина, «О нерождённых»*

Стихи, как дети, пишутся легко.
И, как они, стремительно взрослеют.
Уходят из альбома далеко
И, что ушли, нисколько не жалеют!

Стихи, как старцы, зорки и бодры:
Приходит день – и больше не стареют.
И не понять по складкам их коры,
В каких веках разбили ту аллею...

От лепета младенца до стиха
Идут заботы матери о сыне.
Свой первый стих – как помню – на руках
Качала... Только нет его в помине!

И вряд ли что по памяти прочту –
Он по строке для всех других растрочен.
Но подарил мне главное – мечту!
Благодарю, мой мальчик!..

ПИСЬМО ПОД ВЯЗОМ

*Поэту дали пистолет. Поэту – дали!
Заместо далей и карет, заместо талий.
Взамен гусарских эполет
Поэту дали пистолет...
И пулю круглую в живот
Поэту дали.
Н. Лаврецова, «Дуэль»*

Под этим дубом – под этим вязом,
Порядком в сторону от шоссе
Я буду снова почти что разом
Вздыхать и думать о Вас, месье!..

Я к Вам пишу... И чего же боле?!
Как можно к Вам не прийти на бал?! –
Я в Вашем чистом, былинном поле
Былинка трав подношу к губам!..

Я оплетаю свой лоб венками
Воздушных лилий из облаков...
Вы тоже где-то средь них витали –
Вот так же радостно и легко!..

А утром росным по краю дола
Вела нелёгкая Ваша трость
Вас и туда, где в окрестных сёлах
Быть и Онегину довелось...

Но что-то горькое за фасадом
Таит мой самый большой наив:
За этим лесом, за этим садом,
За Чёрной речкою, обронив

Ни трость, ни дуло, ни точный выстрел,
Сложить Вам главный пришлось доспех...
Я им – пишу!.. Но едва ли – смыслю,
Что он и ныне – весомей всех!..

Я к Вам пишу под пудовой тенью –
Под трудным бременем полноты
Всего, что думаю, что умею,
И, может быть, обращусь на «ты»,

Как раньше – на переменках в школе
И дерзко – на выпускном балу...
А где-то там, в дорогом камзоле
Всё ходит по цепи кот-баюн

Под тучным дубом – под вечным вязом –
Вполне в диковинной стороне...
Я к Вам пишу – обо всём и сразу! –
Чего же боле... возможно мне?!

ЭТОТ ГОРОД РОДНОЙ

Этот город, когда на деревьях листва,
Этот город, когда под ногами листва,
Бесконечно родной, неизменно живой –
И с листвою под ногами, и – над головой!

Нет ни ратуши в нём, ни старинных церквей,
Будто был он тебя ненамного первей.
Не промчит он тебя, не прокатит с лихвой
По бульжной своей не своей мостовой.

Но ты тихо уткнёшься и всхлипнешь ещё
В дорогое тебе и родное плечо
Этих больше ничьих, этих только твоих
И домов, и дворов – только вам на двоих.

Ты уткнёшься в его разделённую грудь –
На два берега он разделяет свой путь.
А меж ними река: не сказать, что мелка,
Да того и не скажешь, что так глубока.

Ты обнимешь его, ты обхватишь его...
На простом фотоснимке – вдаль от него...
Этот город – старинный, прошепчешь, и – мой.
И ещё: я вернусь непременно домой!

СНЕЖНЫЙ АНГЕЛ

Моя золотая зая!
Мой ангел! Мой солнца свет!
Снежинки в ладонях тают,
А в целой округе – нет!

Грущу по тебе немного,
Что всюду ты и нигде.
Но ровно ведёт дорога
Меня в родовой удел.

Здесь тихо мне и привольно,
Здесь только сугробы с крыш
Роняют себя небожно
В такие ж сугробы, ишь!

Как в детстве моём далёком
В искусственной шубке, ах,
С разбега и в снег глубокий,
Чтоб ангела делать взмах!

Бросайся в сугроб со мною,
Пусть крылья, как рукава
Мои, проплывут волною
За дали и острова!

Ты ласковый свет, ты зая,
Ты ангел – вполне земной,
Ведь каждое лето знаю,
Что встречаюсь с тобой зимой!

Бросайся на снег, дурачься,
Два мне дорогих крыла
Расправь на снегу, как мачты
Свои паруса вчера –

Ты помнишь? – Который не был
На море ещё и сам!..
Мой ангел! Мой свет на небе,
Приравненный к чудесам!

Моя золотая зая!
Мой солнечный зайчик! Ишь!
Величественно сползают
Здесь только сугробы с крыш!

Айда на каток!..

БЕЛЫЙ КАМЕНЬ

Я потеряла древний белый камень.
Он знал и сам те древние края,
И мне о них твердил: «Пройди местами,
В которых я бывал, сестра моя!

Тебе не камень нужен залежалый,
А тех столетий давних письмен! –
Как речь твоя в гортани задрожала,
Чуть я завёл рассказ про времена!..

Твои глаза тем светом засветились,
Которым страж до крепостной стены
Не допускает вражеских флотилий,
Чем бережёт покой своей страны!..

А это шорох не того ли платья,
Чьим краем ты касалась бы камней
На том краю последнего объятья
С родной землёй, оставленной моей?!»

И на словах о том он вдруг запнулся,
Не вымолил, не выкрикнул: верни!
А в камешек безмолвный обернулся,
Раз и подарен был как сувенир!..

Прошли года. Я вспомнила случайно,
Как он лежал – бесценный – на виду.
И вдруг: его, лепеля чрезвычайно
В душе своей, на полке не найду!

Но ты – найдись, найдись, мой белый камень,
Чтоб мне тебя к истокам возвратить:
Пройти с тобой забытыми местами
И взор свой к тайне сердца обратить!

ПОД УТРО...

(по мотивам «Бежина луга»)

О чем смолчал седой рассказчик,
Когда на дремлющий костёр
Сошёл вдруг самый настоящий
Туман двенадцати озёр? –

В одном игривые русалки,
Резвясь, не ведали забот,
В другое – уходили замки,
Как с молотка, в пучину вод...!

На третьем – берег шёл песками,
Сжимая в плотное кольцо,
А на четвертом лунный камень
Из тёмных вод светил в лицо...

На пятом озере подлунном
Качалась лодка на волнах,
А от шестого – племя гуннов
Смешалось в новых племенах...

Седьмое тихим, безмятежным
Казалось всем со стороны,
Когда восьмое шло поспешно,
Наоборот, на валуны!..

В девятом воды Рускеала
Впадали в мраморный каньон.
В десятом в зеркало Байкала
Смотрелся леса окаём...

Лишь двух последних – сам рассказчик
Не знал таинственных глубин:
Костёр – истлеп, а как иначе...
Когда меня ты не любил!..

Но той предупреденной порою
Казалось мне: всё это вздор –
Мне ясных глаз твоих не скроет
Туман и тысячи озёр!..

ЖЕМЧУГ!..

О жемчуг сердца моего,
Бесценный жемчуг!
В таких глубинах каково
Тревожить женщин?!

А я живу! Проходят дни
В морских глубинах,
А словно, кажется, они
На всех витринах!

О жемчуг сердца – низка бус
На хрупкой шее!
Такой величественный груз
Из подношений!

Мой свет, мой малый эрмитаж
Уединений...
А тайна женщины – всё та ж,
Мой бог, мой гений!

Мой белый жемчуг, мой морской,
Мой чёрный жемчуг!
Любую раковину вскрой –
И рассекречен!

Люблю тебя, мой тихий страж
Моих волнений,
Мой зал, мой малый эрмитаж
Отождествлений!..

ЛЬВИЦА

Ты знаешь, а я скучаю
На Млечном своём пути!..
Всё более примечаю –
Союзника не найти.

А там, на небесной крыше, –
Медведица и малыш:
Такой вот похожей ниши
Уже не соорудишь!

Созвездия нет со львёнком,
Чтоб Львица могла держать
За хвост своего котёнка,
По звёздам за ним бежать.

И холить его, лепелять,
Ступая из века в век.
И вечное что-то сеять
В его развесёлый смех...

Но что это?! – Вдруг на город
До срока спустилась ночь –
И львёнка несёт за ворот,
Как Львица... как я – точь-в-точь!..

ПУТНИК

Ель в тёплом жилище трещит,
Свеча на оконце мерцает.
А воздух морозцем проshit
И путника шибко кусает.

Хоть в этом дворе, хоть в другом
На привязи громкие лайки.
И он их обходит кругом –
Привычным путём, без утайки.

К кому он идёт, от кого,
В какие далёкие дали?
Морозцем кусает его,
А он всё идёт по централи.

Мне много уже и годков,
А я по своим половицам
Лечу, как над гладким катком,
И двери сношу на петлицах,

Тут – ветер в меня и мороз,
А я вопрошаю на белом,
И это – мой давний вопрос:
О путнике обледенелом...

А он, как обычно, войдёт,
Оставив свой груз у порога –
У самых далёких ворот,
Посмотрит серьёзно и строго...

Как спросишь его про мешок,
В котором так много гостинца? –
Мол, буду вести хорошо
Себя: мне карету и принца!..

Не спросишь, усадишь за стол
И чаем слегка отогреешь.
Недолг скитальца постой –
Ни слова сказать не успеешь!

Вновь будет потрескивать ель
Да я – суетиться у печки.
Какой опрометчивый день...
И ночь... и мерцание свечки!..

ВЕРНИ МЕНЯ В ЛЕТО!..

Верни меня в лето, сестрица-зима! –
Вся статья, здесь и мне припорошено снегом!
И пусть не метелица это сама,
Лишь шальные сани её за разбегом,

Но будут не сани те мчаться с горы,
Не кони, фырча и взрываясь носдрыями,
А мягкие травы цвести до поры
Да раннее солнце вставать с глухарями!

В твоём белоснежном дому-терему
Волшебна кровать да воздушна перина,
Но утро с корицей твоей не приму
И с целой коробкой твоих мандаринов,

Пока не приснится в морозной ночи
Мне белый, как снег, золотой одуванчик,
Пока не найду под порогом ключи –
От моря, от солнца, от лета, от дачи!

Давай ненадолго, хотя бы на миг
В тот сон погрузимся с тобою, сестрица!
Пусть будет твой летний роскошный двойник
Тебе, как и мне, с упоением сниться!

Верни меня в лето, верни меня в путь,
Теперь про который и ты всё узнала...
А я постараюсь к тебе заглянуть
С другого перрона другого вокзала!..

Верни меня в лето!..

И земля под ногами дрожит не вдруг:
То ведёт долинами, то дорогами.
Но меж тех двоих или этих двух
Выбираешь ту, что гремит порогами!

И ревет вода, и летит весло,
А от щепок – лёгкое содрогание:
И, глядишь, земля под тобой – не зло,
А твоё спасенье и вновь... скитание.

И, упёршись в столб: соляной, сквозной, –
И смиренный духом иль просто нищий, –
Поглядишь: опять пред тобой – не зло,
А земля невиданной красоты!..

Охватила тебя, одолела мгла,
Не спросила, легко ли тебе, при этом.
Но коль так вот другим не желаешь зла,
То, глядишь, и предстанешь пред ясным светом!

Если б знала ты раньше, душа-душа:
От тебя и не нужно святых деяний!
Просто будь так под бременем хороша,
Как под дымок младенческих одеяний!..

Творчество великолучан

Руфина Михайлова

БАБЬЕ ЛЕТО

Разбавил день густую просинь,
Заголубел небесный круг.
На шаг один подвинув осень,
Хозяйкой лето стало вдруг.

Картины нет отрадней ныне,
Душой купаюсь летним днем,
И гроздь ягод на рябине
Ласкают взор своим огнем.

Уже дожди, возможно, где-то.
Дождавшись срока, стали лить,
А нам решила бабье лето
Колдунья-осень подарить.

УТРО

Спозаранку быстро встану,
Пробежусь искрящим лугом,
Искупаюсь там в тумане,
Распахнув объятья другу.

Утону в стогу душистом,
В синеву вонзаясь взглядом,
Облака-снежок пушистый,
Вижу близко, словно рядом.

Запахом дурманят травы,
Не насытятся блаженством,
Утро лета балом правит,
Повстречалась с милым детством.

Завтра дома буду снова,
Мне приснится стог душистый,
Прелесть неба голубого
С жаворонком голосистым.

НЕ ЗРЯ

Туман, прижавшись к речке близко,
Обнялся с чистою водой.
Склонила ива косы низко,
Купаясь, фыркает гнедой.

На горизонте показался
Овал прекрасный – Солнца лик.
И, отступив, туман распался,
О, как чудесен этот миг!

От умиления прослезилась,
Лаская взор, спешит заря,
И сердце радостно забилось,
Встречаю утро здесь не зря!

И облачно, и ветрено,
Курлычет птиц косяк,
И грустных дум немерено,
С утра – перекосяк.

А может, выйти в поле
Клин птичий проводить?
Пусть ноженьки потопают,
Чтоб мысли остудить.

1988 г.

На асфальте листочек кленовый,
Еще вчера шелестел на ветру.
Одинокий лежит, весь бордовый,
Он во что превратится к утру?

Безусловно, листочек завянет,
От былой красоты – ни следа.
И под утро лишь мусором станет,
Прикоснется метлы борода.

1989 г.

Буйно так зацвели чернобривы,
Украшая собой белый свет.
Улыбаясь, глядят очевидцы,
С настроеньем встречая рассвет.

Чернобривы, мои чернобривы,
Душу радуют ваши огни.
Дар Природы – цветочки счастливы
Обласкаете взглядом одним.

2003 г.

ЛИСТ КЛЕНОВЫЙ

Лист кленовый, лист кленовый
Зацепился за плечо,
Лучик солнца золотого
Греть старался горячо.

Листья в танце легком кружат,
Приглашая за собой,
Нас порадует до стужи
Красок осени прибой.

Сердце нежностью объято,
Чувства выпорхнуть спешат.
До чего ж пора приятно,
Тут гуляй, гуляй, душа!

2010 г.

ТУЧИ

Набежали тучи серо-темные,
Застучали капли вдруг огромные,
Полилась вода с небес сплошной стеной,
День был солнечный, а стал совсем иной.

Все, что есть на свете, умывается,
Что растет, цветет да поливается.
Порезвились тучи и умчались вдаль,
Дождевую с ветром унеся вуаль.

06.2004 г.

Не прячься, солнышко, за тучи,
Тоскливо очень без тебя.
Ну, подари хотя бы лучик,
Чтоб все сияло, жизнь любя.

И силой жизненной наполнит
Сияющий прекрасный лик,
Ожившая душа запомнит
Божественной Природы миг!

2007 г.

СКАЗКА ОСЕНИ

Багрянец осени из сказки
Раскрасил зелень всю подряд,
Всем подарила осень маски,
Красивым маскам каждый рад.

И вот деревья, нарядившись,
Веселый кружат хоровод,
Макушки все, росой умывшись,
Вонзили в синий небосвод.

А солнце, весело играя,
Сквозь листья отдает тепло,
Осеннего земного рая
Вкусить, и на душе светло!

Спасибо осени за сказку,
Наряд багряно-золотой,
Подаренную сердцу ласку,
Мгновенье, не спеша, постой!

2004 г.

Игорь Крылов

СЧАСТЬЕ –
ЭТО КОГДА...

Счастье – это когда всё можно:
Можно пойти в кино,
Можно купить мороженое
Иль заглянуть в бар-вино.

Счастье – это когда всё нужно:
Нужно работать и жить,
Нужно всю жизнь учиться,
Нужно всю жизнь любить.

Счастье – это когда все рядом
Счастливы, как один.
И на весеннем параде
Строй наш широк и един.

Счастье – это когда умеешь
Прямо в глаза смотреть.
И когда нет такой силы,
Способной с Земли нас стереть.

Счастье – это когда не надо
В руки винтовку брать.
Нет на планете гада,
В которого нужно стрелять.

Счастье – это когда смеётся
Спящий в кровати малыш.
Мама над ним улыбнётся,
Ты её голос услышь.

Счастье – это когда с друзьями
Сядешь за круглый стол.
И среди нас не будет
Мест для обид и ссор.

Счастье – это когда нет смысла
Врать, извиваться, краснеть.
Честным родился на свет ты,
Честным сумей умереть...

1985 г.

ГРОЗА

Что-то небо затянуло,
Не иначе быть грозе.
Вот и молния сверкнула,
Я бреду сам по себе.

Плащ забыл и зонт сломался –
Значит, мокнуть под дождём.
Раскат грома... оборвался;
Живы будем, не умрём.

Нависают хмурые тучи
Да кружится воронье.
Русский человек живучий,
Перетерпит боль, вранье.

И под игом не согнётся,
Только плотно зубы сжав,
В бой неравный вдруг рванётся,
Своих сил не рассчитав.

Не предаст, в беде не бросит.
Угостит, чем бог послал.
Но пощады не попросит,
На родной земле упав.

А всё-таки хотелось бы взлететь
И пронестись по небу белой птицей.
Расправив крылья, сверху посмотреть,
Как друг за другом ходим вереницей.

Кто-то спешит, а кто-то отстаёт.
Кто-то споткнулся, кто-то на подъёме.
Кто-то в шалмане водку с пивом пьёт
И выясняет, кто хозяин в доме.

Разбилась на осколки наша жизнь,
То мы в застое, то мы в перестройках.
Теперь вот строим злой капитализм
И пропитанье ищем на помойках.

А всё-таки хотелось бы взлететь,
Забить на миг тревоги и печали.
И криком журавлиным песню спеть,
Такую песню, чтоб не забывали.

2006 г.

ПОСЛЕ КРИКА

После крика наступает тишина.
Блаженство полное, всё сказано, всё спето.
Эмоций, чувств, слёз пропито сполна.
Мысли не складываются в слова, слова в куплеты.

После боя прекращается война.
Копья сломаны, поля травой зарастают.
В чистом небе голубина без дна.
Время лечит скорбью, раны заживают.

После восхода приближается закат.
Закат надежд, несбывшихся желаний.
И корабли не возвращаются назад,
Снимаясь с якорей, в моря уходят, в океаны.

После смерти слава не нужна.
Живым воздайте, кто чего достоин.
Вручите заслужившим ордена
И поддержите тех, кто голоден, кто болен.

2006 г.

КАПАЮТ ДОЖДИНКИ

Капают дождинки за окном,
превращаясь в лужи.
Горькие слезинки льют ручьём,
я тебе не нужен.
Снова разговоры ни о чём,
споры да скандалы.
А потом слезинки льют ручьём,
рушатся причалы.
Тяжело построить новый дом,
развалить несложно.
Хорошо ли, плохо ли вдвоём,
вспомнить невозможно.
Ты сама придумала свой мир,
ты сама решила –
Что сегодня я не твой кумир,
о любви забыла.
Слёзы проливаются дождём,
по щекам стекая.
Так проходят годы день за днём,
радости не зная.
Между нами кто-то пробежал,
что-то не сложилось.
Волны так же бьются о причал –
просто ты влюбилась.

2006 г.

Мы родились в Советском Союзе
И гордились своей страной.
Не умели ползать на пузе,
Пресмыкаться, сучить ногой.

Мы стремились в такие дали,
Поднимались всегда с колен.
Что бы нам ни обещали,
Не прощали предательств, измен.

А теперь нас как подменили –
За копейки готовы продать:
Честь и совесть, про души забыли,
На всех и на всё наплевать.

Что же, братцы, с нами случилось,
Только глупый сжигает мосты.
Если сразу не получилось,
Виноваты и я, и ты.

Мы ж родились в Советском Союзе
И прекрасно могли бы жить.
А сегодня, в рваном картузе,
Стыдно милостыню просить ...

2006 г.

НА ГЕРЦЕНА

Я возвращаюсь вновь и вновь
На Герцена к остаткам школы.
Здесь первый класс и первая любовь,
И мир наш беззаботный и весёлый.

Я возвращаюсь к родным берегам
В надежде, что свершится чудо
И возродится детства храм
Из песен, из стихов, из ниоткуда.

Я соберу все кирпичи,
Чтоб зазвенел звонок знакомый.
Ну а пока, брат, помолчим
И вызубрим урок, увы, не новый.

Спасибо вам, учителя,
Спасибо улице и школе.
За то, что жизнь не прожигая зря –
Стихи оставлю в чистом поле ...

2006 г.

Фото А. Агафонова